

ДЕБАТЫ О ПУТИНЕ И МЕДВЕДЕВЕ

Борис Волхонский

«Управляемая и неуправляемая Россия», «Путинский консенсус в обществе и его оппоненты: есть ли альтернатива?» — именно так были сформулированы темы сессионных заседаний двух первых дней экспертного диалога «Что думает Россия?», прошедшего в конце июня — начале июля в Москве.

В подобной постановке вопроса была своя логика. В самом деле, рассуждения на тему об управляемости-неуправляемости России в основном дали возможность российским участникам высказать давно наболелшие, но порой не имеющие отношения к актуальной действительности сегодняшней России идеи. Зарубежные же участники, многие из которых еще не преодолели последствия резкой смены часовых поясов, могли спокойно выслушать полемичку, не ввязываясь в нее.

Целью организаторов диалога (он был организован «Русским институтом» и болгарским Центром либеральных стратегий) было в первую очередь ознакомление западных экспертов с мнением российского экспертного сообщества по широкому кругу актуальных тем (в течение ближайшего года-полутора планируется проведение аналогичных семинаров в Бразилии, Китае и Индии, то есть в странах БРИК). Формулировка «Что думает Россия?» возможно, была подсказана названием книги исполнительного директора Европейского совета по внешним отношениям Марка Леонарда «Что думает Китай?». С учетом предстоящих аналогичных семинаров в других странах, которым, по подсчетам аналитиков Goldman Sachs, к 2050 году предстоит выйти на лидирующие позиции в мире, общую тему цикла семинаров

следует обозначить так: «Что думает БРИК?». В этом контексте подобная постановка темы первых заседаний была более чем оправдана.

В день первый

Первый день («Управляемая и неуправляемая Россия») можно было рассматривать как своего рода разминку. В самом деле, как отметил в своем вступительном слове Глеб Павловский, «обычные обвинения в адрес России исходят из полной очевидности российской политики и намерений ее лидеров. Это своего рода догма. Каждый может рассуждать о российской политике, потому что считается, что в ней все понятно, она проста. И формула этого — то, что любой политический процесс в России носит искусственный и, скорее всего, сознательно управляемый характер».

Сам Павловский попытался задать тон дискуссии, выдвинув несколько тезисов, призванных опровергнуть эту догму: «Управляемость в России находят

тировал Александра II, утверждавшего, что «Россией управлять несложно, но совершенно бесполезно», а Вячеслав Игнатов вспомнил всех трех российских императоров, носивших имя Александр, отметив, что «они для России были более успешными, чем нынешнее двадцатилетие, которое сыграло с Россией злую шутку, причем необратимую злую шутку».

Обсуждая «путинский консенсус»

На этом фоне выступления западных участников несколько потерялись. Они, скорее, пытались нащупать точки соприкосновения и уяснить для себя, эффективна или неэффективна существующая ныне модель управления Россией и нет ли опасности скатывания к пиночетовской или китайской модели ради повышения ее эффективности.

Пожалуй, единственным диссонансом на этом фоне прозвучало выступление профессора из Калифорнии Кеннета Джоу-

Многие российские участники предпочитали как раз таки уйти от обсуждения актуальной действительности, предавшись ностальгическим рассуждениям о временах именно XIX века

именно там, где существует, скорее, нехватка хорошего руководства»; современную российскую политику нельзя рассматривать как «политику XIX века, каким-то образом прорвавшуюся в XXI век». Но многие российские участники предпочитали как раз таки уйти от анализа актуальной действительности, предавшись ностальгическим рассуждениям о временах именно XIX века.

Так, Алексей Чеснаков проци-

итта, который резко воспротивился попыткам своих западных коллег навязать России — пусть не явно, но в форме мягких рекомендаций — единственно возможную модель развития — американскую.

«Средний класс по определению недемократичен», — заявил Джоуитт и добавил, что «Соединенные Штаты на заре своего существования также приняли авторитарную модель правления и не отказывались от нее в тече-

ние нескольких десятилетий. Это вполне естественно для стран, переживающих переходный период своего развития».

На фоне довольно-таки сонного первого дня второй был гораздо более динамичным и оживленным. Сама тема заседания была сформулирована максимально провокационно: «Путинский консенсус». Тем самым более чем очевидно подчеркивалось, кто определяет всю внешнюю и внутреннюю политику современной России. Как отметил модератор дискуссии Вячеслав Глазычев, «для меня является глубокой загадкой то, что названо в программе «Путинским консенсусом». Загадкой потому, что рейтинг правительства невысок — в три раза ниже, чем рейтинг премьера Путина, возглавляющего это правительство. А с другой стороны, есть чрезвычайно деятельный и активный президент Медведев, заявивший о себе сильно во время грузино-осетинского конфликта. И в то же время большинство жителей Южной Осетии, участвовавших в выборах, на вопрос: «Вы за какую партию голосовали?», отвечали «Мы голосовали за Путина»».

У западных участников, впрочем, эта формулировка сессионного заседания особых вопросов не вызвала. А редактор и комментатор The Washington Post Дэвид Игнатиус даже посвятил этому дню заседания московской конференции авторскую рубрику под недвусмысленным названием «Великий русский инквизитор». Кто именно понимается под «великим инквизитором», видимо, пояснять не нужно. Впрочем, и в интервью, которое Игнатиус дал мне в кулуарах конференции (см. сс. 1, 3), он заявил недвусмысленно: «Ни для кого не секрет, что главной фигурой в России является Владимир Путин».

Впрочем, даже среди американских участников не было единства мнений относительно того, как следует расценивать статью Дэвида Игнатиуса, в которой он, ссылаясь на знамени-

тую главу из «Братьев Карамазовых» Достоевского, утверждает, что в сегодняшней России «люди считают за счастье обменять свою свободу на еду и безопасность». Что это — частное мнение одного отдельно взятого автора или отражение господствующих подходов к России в американском истеблишменте?

Как полагает генеральный директор международной кон-

зачем мне ей заниматься?»

Но при этом значимость фигуры премьера Владимира Путина для консолидации всего российского общества, по сути, на семинаре сомнению не подвергалась. Как отметил один из главных организаторов семинара, исполнительный директор Центра либеральных стратегий Иван Крастев, «нет одного общероссийского режима, есть восемьдесят с лишним разных рос-

Если так много зависит от одного человека, то как долго это может продолжаться?

салтинговой фирмы Kissinger Associates Inc., бывший советник президента США и бывший директор по вопросам России в составе Совета национальной безопасности Томас Грэм, статья Игнатиуса во многом отражает те стереотипы восприятия России, которые определяют мнение большинства американского экспертного сообщества: «Это типичный взгляд американцев на Путина, на внутреннюю политику России. Я не совсем согласен с мнением Дэвида Игнатиуса. В России существуют свободы, по крайней мере личная свобода, свобода выражения своего мнения. Есть вещи гораздо более интересные, чем политика. И когда есть свобода говорить то, что хочется, ездить, куда хочется, верить в то, во что хочется, то эта вторичная свобода достаточна. Если я не получаю удовольствия от политики,

сийских режимов. И что их объединяет? Объединяет их Путин и российское телевидение».

Впрочем, в ходе дискуссии выявился и еще один вопрос, который задавали зарубежные участники дискуссии: если так много зависит от одного человека, то как долго это может продолжаться и что будет после этого?

Похоже, единственным ответом на этот вопрос стала реплика одного из российских участников, заметившего, что «мы присутствуем при сотворении новой нации — а значит, при сотворении традиции. Путин уже вошел в современную российскую традицию как имя, как легендарный герой. Не надо беспокоиться по поводу того, что Путин как реальная личность может исчезнуть. Он есть часть традиции, он уже в истории. А иногда отсутствующий герой значительно сильнее присутствующего». ■